

РУССКИЙ МИР

Белая правда Бунина (заметки о бунинской публицистике)

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Статья посвящена рассмотрению и оценке публицистического наследия И. А. Бунина. Как показывает автор, Бунин-публицист представляет собой нечто иное, чем Бунин-художник, а бунинская публицистика есть по своему содержанию особое творчество, стоящее в стороне от его собственно художественных произведений.

Ключевые слова: Бунин, публицистика, революция, белое движение.

Bunin White Truth (Notes on Bunin's Publicism)

I. M. ILINSKIY

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article covers consideration and estimation of I. A. Bunin's publicistic heritage. As the author indicates, Bunin-publicist somehow differs from Bunin-artist, and Bunin publicism in its content is a specific creative work that stands apart from his fiction as such.

Keywords: Bunin, publicism, revolution, White movement.

Иван Алексеевич Бунин с полным основанием живет в сознании миллионов (в том же) как великий писатель и поэт: волшебник слова, классик русской литературы, первый из российских писателей нобелевский лауреат... Национальное достояние. Национальная гордость.

И мало кто знает Бунина как публициста: его публицистика была в СССР под запретом. Лишь в 1990 г. на излете горбачевской «перестройки» были опубликованы «Окаян-

ные дни», основанные на дневниковых записях Бунина 1918–1920 гг. Однако десятки бунинских статей и речей в эмигрантских газетах и журналах 1920–1953 гг. оставались неизвестными для российского читателя. Кроме всего прочего и потому, что Бунин за-
вещал не переиздавать свою публицистику после его смерти.

Нашлись люди, нарушившие этот завет. Так появилась книга «Великий дурман», напечатанная в России в 1997 г. В 2000 г. изда-

* Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета, президент Национального союза негосударственных вузов, президент Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области. Тел.: (495) 374-78-78. Эл. адрес: ilinskiy@mosgu.ru

тельства «ИМЛИ РАН» и «Наследие» опубликовали книгу «И. А. Бунин. Публицистика. 1918–1953 годы».

Теперь каждый может составить свое и полное представление о Бунине-публицисте и о самой его публицистике, которая, на мой взгляд, требует гораздо более глубокого анализа, чем сделан пока в немногочисленных хвалебных статьях. Дело в том, что в нынешней России Бунин, как художник, почти что канонизирован, неприкасаем; «Окаянные дни» и остальная его публицистика используются как своего рода акт обвинения Октябрьской революции и советской власти.

Между тем Бунин-публицист — нечто иное, чем Бунин-художник; бунинская публицистика — что-то совершенно особое, стоящее в стороне от его собственно художественного творчества, хотя исходит из того же ума, той же души, и в этом смысле художественное и публицистическое вроде бы должны представлять органическое целое. Но не представляют. Вот об этом «ином» и «особом» в бунинском творчестве я и хочу порассуждать. Думаю, что дискуссии о публицистике Бунина еще впереди, и они будут проходить в жестких спорах.

Никто не может стать великим писателем или поэтом, не будучи одновременно глубоким философом и мыслителем. Я не встречал статей, в которых о Бунине говорилось бы в таком роде. Может, потому, что доказывать это и не требуется. Именно в силу выдающегося ума, уникальной наблюдательности и прозорливости бунинская публицистика великолепна не только по форме, стилю и языку, чем Бунин славен прежде всего, но также по точности многих оценок тех событий, свидетелем которых он был.

Публицистика Бунина, несомненно, художественная. Из лихорадочного, страстного потока слов, срывающихся с языка без раздумий, без всякой подготовки, с ходу, из криков ужаса, охватившего Бунина при виде того, что происходило в ходе Октябрьской революции 1917 г., что творили, как он говорил, эти «полудикари», эти «хамы», эта «чернь» в годы гражданской войны; из бури

бунинских эмоций, едва успевавших облечься то в блестящие импровизации, то в схваченные на лету выразительные зарисовки уличных картин и персонажей, а то в неточные и «страшные слова», неумеренные выражения, поспешные оценки, шаржи и карикатуры мужиков, красноармейцев, большевиков и их вождей, перед глазами встает фигура буквально погибающего от возмущения и бешенства человека — фигура живописная и трагическая, фигура, переживающая катаклизмы российской истории с таким страданием, с каким можно переживать только свою собственную и невыносимую физическую боль; фигура воистину героического типа, одержимо утверждающая **свою правду** и готовая ради нее идти своим путем до конца, хоть на дыбу, хоть на крест. Нынешним публицистам учиться и учиться у Бунина не только мастерству слова, но бесстрашию и мужеству, непродажности, верности своим взглядам и своему долгу.

Скажу, однако, и другое: читать бунинскую публицистику, перечитывать «Окаянные дни» мне было тяжело, а временами — крайне неприятно. В своих взглядах на жизнь и историю Бунин чрезвычайно пристрастен и тенденциозен, чего он сам не отрицал. Страсть затмевает человеку разум.

О прошлом, о том, что было, но что смела революция, Бунин пишет с теплотой и нежностью. И его нельзя не понять: там осталось все лучшее в его жизни и все его надежды.

И никакого намека на светлое ни в настоящем, ни в будущем. Все акценты в бунинской публицистике сделаны исключительно на негативном, грехах и темных сторонах революции, новой власти и революционной «толпы». Бунин в упор не хотел видеть хоть что-нибудь положительное в революции и во всем, что происходило вокруг, старательно собирал все дрянное, ужасающее, ничтожное, чем полна жизнь во всякие времена и всюду, но особенно — в период разломов истории и смут. Слишком много злобы, слишком много желчи, слишком много ненависти. Слишком. Несогласие и протест вызывают именно перехлест, нарушение чувств-

ва меры. «Люблю и ненавижу» одновременно — вот состояние, в котором пребывал Бунин долгие годы эмиграции. «Кто смеет учить меня любви к России?» — возмущенно вопрошал он. И тут же из его груди исторгался вопль: «Мщения, мщения!»

Признанный одним из лучших писателей своего времени, Бунин-публицист говорил с миром от имени русской литературы, русской культуры, полагая, что исполняет миссию перед русской историей. Говорил о России, о русской душе, русском характере, русском народе, русской истории, о русской революции, о власти большевиков и ее вождей, о мировой революции и советской власти. Не говорил, а приговаривал, полагая, видимо, что он не только имеет на это право, но и способен дать верные ответы на все вопросы бытия.

Разумеется, есть немало вещей, где Бунин прав, с ним должен согласиться любой разумный человек. Как можно, например, возразить его яростному протесту против восстаний, революций, войн и всякого насилия? Да, именно в эти моменты истории из человека вырывается все низкое, животное, зверское, происходит одичание и варваризация народа.

Но как избежать революций? Вот вопрос вопросов! На этот фундаментальный вопрос Бунин отвечает наивными словами Льва Толстого, которыми тот пытался упредить царя Николая II от революции, советовал ему: «Любите врагов своих!..» «Идите по пути христианского исполнения воли Божией...». И так — во многих случаях.

Как человеку огромного таланта, Бунину во многом можно верить. Особенно в постановке вопросов. Но верить Бунину в ответах во всем, слепо и безрассудно, нельзя. Бунин не все понимал. Бунин кое в чем заблуждался, кое в чем крупно ошибался. А кое-что (ради «художественности»), судя по всему, домысливал, а то и выдумывал...

О ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ

Как известно, публицистика — это литература по общественно-политическим во-

просам современности. Но в какой степени публицистика как род литературы может быть художественной? Конечно, прежде всего — это вопрос талантливости автора. Но будь ты гений среди гениев, коль взялся за публицистику, то поневоле погружаешься в политику, а значит, и в идеологию — особые и сложнейшие сферы жизни и области специального знания. Представить, будто «Окаянные дни» — это «художественное произведение», в котором есть страницы, «которые могут сравняться с лучшим из всего, что написано Буниным» (Алданов, 1935: 472), как это писал М. А. Алданов, — это слишком. На мой взгляд, «Окаянные дни» — документ сугубо политический, идеологический, талантливо окрашенный в художественные краски и тона. Но качество публицистической литературы определяется не художественностью, а глубиной проникновения в социальную материю, и главное — ответами на злобу дня. Не злобой, не ненавистью, а истиной, способной разрешить противоречие, конфликт. Но такой позитивной задачи Бунин перед собой даже не ставил. Рефлектировал, рисовал...

Безусловно, публицистика — неотъемлемая часть творческого наследия И. А. Бунина, документ времени. Но это документ, в который, как отмечает, например, Даниэль Риникер, Бунин не раз вносил многочисленные правки — стилистические, документальные, идеологические. Мало того, что сам текст «Окаянных дней» лишь основан на дневниковых записях Бунина московского и одесского периода 1918–1920 гг. его жизни, а в основном написан заново в 1925–1927 гг. уже в Париже по просьбе редактора газеты «Возрождение» П. Б. Струве, Бунин, «готовя «Окаянные дни» для берлинского собрания сочинений, значительно переработал текст по сравнению с газетным вариантом. Однако эта правка не была окончательной...» (Иван Бунин, 2001: 629). «Изучение этой правки показывает, что она носила как стилистический, так и идеологический характер» (там же). Многократное и тщательное исправление текста все-таки не могло не

исказать документальное начало. «В тексте «Окаянных дней», — замечает Д. Риникер, — обнаруживаются пласты, различающиеся по происхождению и по времени написания» (там же: 641).

Стоит задаться вопросом: что служило главным источником глубокомысленных выводов и ожесточенных высказываний Бунина? Газеты и слухи.

«Всё слухи и слухи», — пишет он в «Окаянных днях» 12 апреля 1919 г. в Одессе. «Бешенство слухов. Петроград взят генералом Гурко, Колчак под Москвой, немцы вот-вот будут в Одессе» (Бунин, 2006d: 309). Ничего этого на самом деле не происходило, но Бунин жил слухами и надеждой, что они сбудутся.

Вот выдержки всего из двух страниц «Окаянных дней» (там же: 292–293) от 28 февраля 1918 г. «Вести со Сретенки — немецкие солдаты заняли Спасские ворота»; «Слух, что в Москве немцы организовали сыскное отделение» (там же, 293); «В Петербург будто бы вошел немецкий корпус»; «Говорят, что Москва будет во власти немцев семнадцатого марта» (на самом деле этого не было. — *И. И.*); «Рассказывал в трамвае солдат...»; «Д. получил сведения из Ростова...»; «Д. прибавил: «Большевики творят в Ростове ужасающие зверства... расстреляли 600 сестер милосердия; ну, если не шестьсот, то все-таки, вероятно, порядочно»; «Повар от Яра говорил мне...»; «Вести из нашей деревни...». И так — едва ли не на каждой странице.

Читаешь, и тебя, сегодняшнего, тоже вдруг охватывает неосознанный ужас. Понятно, что кроме газет и слухов других источников информации Бунин не имел и не мог иметь, жил в великом расстройстве и панике. Но разве, читая эти статьи сегодня, мы не должны учитывать бунинское психологическое состояние и нескрываемую пристрастность?

10 февраля 1918 г. Бунин пишет: «Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно... Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности

все равно никогда не будет. А главное: наша «пристрастность» будет ведь очень дорога для будущего историка. Разве важна «страсть» только «революционного народа»? А мы-то что ж, не люди, что ли?» (там же: 282).

Люди, конечно же, — люди! Только другие люди — господа, люди других сословий, других интересов, чем интересы простонародья, «полудикарей», «черни».

Бунинская публицистика, особенно «Окаянные дни», — это в значительной мере коллекция слухов, домыслов, а кое-где наверняка и его богатейшего воображения, о котором он сам говорил, сопоставляя свою способность фантазировать с аналогичным даром Л. Н. Толстого. 11 марта в «Окаянных днях» запись: «Толстой сказал про себя однажды: «Вся беда в том, что у меня воображение немного живее, чем у других...» Есть и у меня эта беда» (там же: 296).

Слова, которые сами вот так, без раздумий, с ходу, без всякой подготовки срываются с языка, — самые правдивые. Но сколько в них истины? Вот вопрос. Если твоя рефлексия построена сплошь на слухах, а слухи тоже на слухах, то сколько смысла в твоей правдивости, какой прок от нее?.. Правда, сказанная злобно, лжи отъявленной подобна. Часто протест вызывает не правда сама по себе, а то, каким образом она подана.

Конечно, можно полагать, что правда заключается не в том, чтобы нести истину, а в том, чтобы говорить то, что думаешь. Но вряд ли этот принцип подходит к Бунину. Он жаждал перемен от сказанного им, особенно поначалу. Но для этого одной правды, одной стойкости и готовности висеть за свою правду, хоть на кресте, мало. Правда о делах общественных должна все же как-то совпадать с истиной, а не противоречить ей. Бунин противоречив, и это не беда, когда бы не испепеляющее пламя ненависти на всех, кто не «икона», кто только что почитался «иконной», да перешел в другую гавань... А правдолюбие, кроме всего прочего, обычно связано с желанием во всяком находить хорошее, а не только дрянное. Отчаянное,

безмерное правдолюбие без стремления открыть свет в конце туннеля — нередко лишь проявление безмерной гордыни...

О РЕВОЛЮЦИИ

О том, что Бунин не принял революцию, известно. Согласно соросовским учебникам школьникам рассказывают, что никакой «великой» и «социалистической» революции в октябре 1917 г. в России не было, а был «большевистский переворот», «захват власти», да и то случайный. Такими же словами говорит о революции и Бунин. Вот некоторые его высказывания по этому поводу.

«Тихонов рассказывал мне, — пишет Бунин, — как большевики до сих пор изумлены, что им удалось захватить власть и что они всё еще держатся» (там же: 297). «Луначарский после переворота недели две бегал с вытаращенными глазами: да нет, вы только подумайте, ведь мы только демонстрацию хотели произвести, и вдруг такой неожиданный успех!» (там же). Позднее Троцкий писал в дневнике: «Если бы в Петербурге не было бы ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции» (там же: 414).

«Неизбежна была революция или нет? — спрашивает Бунин. И говорит: «Никакой неизбежности, конечно, не было, ибо, несмотря на все недостатки, Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях... Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом» (Бунин, 2006b: 391).

Тут Иван Алексеевич серьезно ошибался.

Проблема, которую не хотел знать и понимать Бунин, состояла в том, что в XX век Россия вошла с феодальной идеологией, с представлением о божественном происхождении царской власти, неограниченным самодержавием, отрицанием Конституции, необходимости парламента и политических партий. На фоне того, что произошло в Европе уже сотни лет назад, это был вызов, которого царь даже не скрывал, напротив, открыто бросил обществу.

17 января 1895 г. при восшествии на престол в своей тронной речи Николай II пря-

мо сказал: «Бессмысленно мечтать о всякой Конституции». В том же году царь твердо поддержал расстрел рабочей демонстрации в Ярославле, направив телеграмму, в которой говорилось: «Спасибо молодцам-фанаториям за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков».

О том, что К. Маркс еще в 1870 г. был убежден, что «в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция», и повторял это неоднократно; о том, что скорая русская революция, как говорил Ф. Энгельс, станет «поворотным пунктом во всемирной истории»; о том, что в «Письмах издадека» В. И. Ленин предрекал, что революция 1905 г. и Февральская 1917-го должны привести Россию к революции социалистической — царь Николай знать не знал — что за «людишки»? Слыхом не слыхивал об этом, надо думать, и Бунин.

Николай II, причисленный ныне к лику святых как великомученик, был очень слабым правителем, не способным принимать адекватные решения, верно реагировать на ситуацию, о которой ему осмеливались докладывать.

Еще в 1902 г. министр внутренних дел России Плеве в докладной записке царю говорил: «Если бы 20 лет назад, когда я управлял департаментом полиции, мне бы сказали, что России грозит революция, я бы только улыбнулся. Нынче я вынужден смотреть на положение иначе». В феврале 1914 г. министр внутренних дел России Дурново сообщал самодержцу, что «в случае неудачной войны в России неизбежна социалистическая революция».

Откуда мог знать обо всем этом Бунин? Зато с полной уверенностью писал, что на Октябрьскую революцию «чернь» провоцировали большевики. И был убежден, что абсолютно прав. Хотя в ту пору уже случились революция 1905 г., Февральская революция 1917-го, которые давали повод для глубоких размышлений.

Бунин пишет: «Ключевский отмечает чрезвычайную повторяемость русской истории» (Бунин, 2006d: 343).

Во взглядах на революцию Бунину были по душе и слова Наполеона: «Что породило революцию? (французскую. — *И. И.*) Честолюбие! Что остановило ее? Честолюбие!»

«Честолюбие!..» Нет же: «повторяемость» причин любой революции, будь то английская, французская или какая-то иная: нарождающейся российской буржуазии было тесно и душно в атмосфере феодально и (по сути) все еще крепостнических отношений. В 1902 г. в забастовках и стачках участвовали 694 тысячи рабочих, в октябрьской стачке 1905 г. — уже более 2 миллионов. Поэтому Февральская революция была буржуазно-демократической, нарождавшийся рабочий класс не мог смириться с угнетением, эксплуатацией и невыносимыми условиями труда на фабриках и заводах. Царь вынужден издать «Манифест» (компромисс! — *И. И.*) и обещать народу новые свободы.

«Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона», — не раз цитирует в своих статьях Бунин русскую пословицу. «Из нас» — это из кого? Или «дубина» — из «черни», «икона» — из помещиков, дворян, князей и прочая?.. Имущего класса? Белой кости?..

«Если бы я эту «икону», эту Русь (? — *И. И.*) не любил, из-за чего бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто? А ведь говорили, что я только ненавижу» (там же: 311).

«Икону» Иван Алексеевич любил. А тех, кто пел «Дубинушку»?.. Задумывался ли о том, почему из одних — только «иконы», а из других — только «дубины»; нет ли тут подвоха какого в устройстве жизни, и доколе такое будет продолжаться?.. Конечно, думал и понимал: зря что ли брат его Юлий вошел в молодости по радикальным кружкам? Но не желал никаких радикальных перемен Бунин, да и зачем хотеть, если ты, хоть обедневший, но все же дворянин, уже знаменит на всю Россию, как говорится, «сыт, пьян и нос в табаке»?

«Честолюбие!..» Если б только! «Повторяемость»: нищета и голод постоянно и остро давали знать себя в российских деревнях,

где в начале XX в. проживало 85 процентов населения. Через каждые три-четыре года в стране — неурожай, а вслед за ними — голод. В 1891–1892 гг. в России от голода умерли сотни тысяч человек. Через каждые 10 лет в России случался большой неурожай и — большой голод. В 1911 г. голод охватил 20 губерний с населением в 30 миллионов человек.

Статистика: накануне 1917 г. в России насчитывалось около 2 миллионов богатых крестьян. Немало! Еще около 3 миллионов относились к середнякам. Но 10 миллионов (две трети) крестьян были бедняками: ни кола ни двора; ни лошади, ни коровы. В сущности своей батраки все те же крепостные, хоть и «свободные», вынужденные гнуть спину на новых хозяев, еще вчера таких же крепостных, как они, которые были зачастую еще более жестокими и безжалостными, чем прежние бары. Рано или поздно бедный крестьянин должен был заявить о своих нуждах и страданиях. И когда в годы Первой мировой войны его одели в шинель и дали в руки винтовку, «человек с ружьем» стал естественным резервом тлеющей революции. А когда революция грянула, встал под знамена тех, кто обещал мир, земли и хлеба. Это были большевики. Это был Ленин.

Ленин, большевики прекрасно понимали «шаткость», переменчивость настроений, расколотость народа на несколько слоев: на зажиточных, довольных собой и жизнью; живущих трудно, но колеблющихся, к бунту не готовых; на бедных и нищих, голь перекатную, «проклятьем заклеянных» на то, чтобы родиться, жить и умирать в голоде и холоде, в услужении, без всякой надежды для детей или хотя бы внуков и правнуков выбиться «в люди». Таких в России было абсолютное большинство — хоть среди нарождавшегося рабочего класса, хоть среди крестьянства, деда и отцы которых всего полвека назад еще пребывали в крепостных — в рабстве. Кому мила такая судьба? «Чернь» и «нелюдь» сознавали, что они «никто» и «ничто». И когда провозгласили, что «никто» станет «всеми», они восстали.

Был ли Ленин честолюбив? Наверное, почему бы нет? Человек, лишенный честолюбия, не добьется ничего в какой угодно области. Сам Бунин — воплощенное честолюбие. Зато какой чудный писатель и поэт!..

«Всё спешим влить вино новое в мехи старые и — что ж?» — вопрошает Бунин. В подтверждение бессмысленности таких занятий цитирует Шиллера: «Попытка французов восстановить (? — *И. И.*) священные права людей и завоевать свободу обнаружила только их бессилие... Развращенное поколение оказалось недостойно этих благ... Что мы увидели? Грубые анархические институты, которые, освобождаясь, ломают все социальные связи и с непреодолимой яростью торопятся к животному самоудовлетворению... Явится какой-нибудь могучий человек, который укротит анархию и твердо зажмет в своем кулаке бразды правления...».

«А Великая Английская революция? — вновь вопрошает Бунин теперь уже цитатой Герцена. — Кромвель, величайший злодей, казнит Карла и губит миллионы (? — *И. И.*) людей, уничтожает ту самую свободу, за которую он будто боролся... Меняются формы, но не сущность...» (Бунин, 2006а: 380–381). И добавляет от себя: «То же было во Франции с ее Маратами и Робеспьерами, в Испании, в Америке, в России... Посредством убийства осуществлять человеческое благо! Достигать равенства насилием, тогда как насилие самое резкое проявление неравенства» (там же: 381).

Стоит ли возражать сразу трем великим людям — Шиллеру, Герцену и Бунину, — не находясь на той же высоте общественного признания, что и они? Тем более что во многом они правы... Нельзя полагать восстание и революцию благом. Нельзя не согласиться с тем, что революции развязывают в людях темные инстинкты и ведут к неизбежному разрушительству. Нельзя не согласиться с тем, что «насилие есть самое резкое проявление неравенства». И это далеко не всё, что надо признать истинами, по поводу которых спорить было бы глупо и смешно. Но эти истины — истины не полные, не окончатель-

ные, признанием которых можно было бы остановить бесконечную череду народных бунтов, восстаний и революций, происходящих во всех странах от древних времен до нынешних дней. Революции, увы, все же свершаются, доказывая этим фактом свою неизбежность, а порой и необходимость — «в конце концов».

Все неизмеримо сложнее, чем это представлено в статьях и дневниковых записях Бунина. Даже Лев Толстой, Герцен и Шиллер тут ему не в помощь, во всяком случае, положение дел не спасают.

Вряд ли человек рождается революционером. Вряд ли кто со школьной скамьи мечтает совершать революции. К сожалению, человеческие общества устроены так, что сами формируют спрос на людей такого толка, которые с некоторого момента своей жизни становятся на путь «профессиональных революционеров». И коль скоро такие люди в обществе существуют, то по мере накопления их количества революция становится неизбежностью, рано или поздно — в зависимости от того, как себя чувствуют люди в верхнем эшелоне власти рядом с верховными правителями, как живет людям второго и третьего сословий, а также простонародья, которое в любом обществе обычно составляет большинство.

Исследователи революций, которых в пору жизни Бунина было еще совсем немного и труды которых он не мог читать, заметили, в частности, что у каждой революции есть **общие и особенные причины, свои движущие силы**. И это почти всегда — **люди высшего света, либо высшего духовного слоя**, недовольные устройством экономической и политической жизни, но никак не «чернь», не простой народ сам по себе, от которых можно ждать бунта, восстания, но не революции, ведущей к переустройству всех основных форм, а значит, и сущности существующего строя. Замечено, что за революцией всегда следует **контрреволюция, откат назад**, к исходным позициям, попытка **реставрации** прежних форм жизни, порой удающаяся, но не навсегда. Замечено, что **длина отката**

в прошлое зависит от того, насколько далеко шагнула революция в своем стремлении к «обновлению» и разрушительстве существовавшего образа жизни. Замечено, что высшие цели революции достигаются через компромисс между революционными и контрреволюционными силами, и происходит это не враз, а постепенно, в ходе их борьбы год за годом, на которую уходят десятки, а то и сотни лет.

Вот Великая английская революция, на которую, цитируя Герцена, ссылается Бунин... Не ясно, почему он берет отсчет английской истории (быть может, самой кровавой из всех в мире, в том числе российской) именно от Кромвеля? Ведь эта революция была лишь продолжением и завершением целой серии революций и гражданских войн, потрясавших Англию с гражданской войны 1258–1268 гг., в результате которой в 1265 г. был создан первый в мире парламент, состоявший сплошь из знати. В нем не было места «народу», часть которого была на стороне короля и феодалов, а часть — на стороне нарождавшейся буржуазии, хотя такого понятия в тот момент еще не существовало. И причина, по которой «народ» дрался сам с собой и убивал друг друга, была вовсе не в том, чтобы защитить интересы своих господ, нет. Этой причиной были нищета и голод, которые всегда влекли и загоняли обездоленных в тот стан, где им заманчивей обещали будущую сытость и крышу над головой. Что касается борьбы между Парламентом и династией Стюартов с ее сторонниками — феодалов за абсолютную королевскую власть, то «народ» об этом мог и не догадываться: зачем это господам с обеих сторон?.. И разве не то же самое было в борьбе «белых» и «красных» в русской революции? В разгар Гражданской войны и «красные», и «белые» ввели воинскую мобилизацию. К лету 1919 г. в Северной армии «белых» из 25 тысяч человек 14 тысяч были пленными красноармейцами. Альтернатива была простой: попал в плен — или с винтовкой против «красных», или пуля в лоб. То же происходило у Деникина, Колчака и Врангеля. То же — и в «красном» стане...

В разрыве времен почти в 400 лет между 1295 годом, когда в Англии был создан «Образцовый парламент» при абсолютной власти короля (компромисс!), и началом очередной революции и гражданской войной 1642 года страну потрясли множество восстаний и революций. В 1641 г. казнен граф Стаффорд, фаворит короля. Парламент победил лишь потому, что за ним стоял восставший «народ», и прежде всего Лондон. Страна и народ были поделены на две части, две Англии. Весной 1648 г. вспыхнула новая гражданская война, которую принято именовать Великой английской революцией. И произошла она не по воле «народа» и Кромвеля, который только тут и появляется на политической и общественной сцене, а вследствие попытки Карла I взять реванш и вернуть себе власть. Парламент победил Карла I. В 1649 г. король был казнен. А Кромвель в конце концов стал диктатором, разогнал парламент, восстановил палату лордов (реставрация! — *И. И.*) и чуть было не возложил на себя королевскую корону, но заболел, умер, мертвый извлечен был из могилы и повешен... 19 мая 1649 г. Англия стала первой в мире парламентской республикой: высшая цель революции 1258–1268 гг. была наконец-то достигнута.

Тем не менее в 1660 г. совершилась реставрация (! — *И. И.*) королевской династии Стюартов; король согласился санкционировать основные завоевания буржуазной революции (компромисс! — *И. И.*). Но «народные» волнения не утихали: в 1688 г. началась «славная революция», результатом которой в 1689 г. стал компромисс (! — *И. И.*) между представителями феодальной монархии (старое) и неплохо державшейся на ногах буржуазией (новое).

Вот штрихпунктирное изложение истории «английской революции» (четыре революции!) длиной почти в 400 лет, в ходе которой погибли действительно миллионы человек, но Кромвель тут хоть и заметная, но проходная фигура. Все гораздо значительней, масштабней и мрачней в истории

этой страны, давшей миру «образец» революционного переустройства общества...

Это сейчас Великая Британия, от которой остались только Англия, Шотландия и уже скоро семьсот лет воюющая с центральной властью Ирландия, выглядит такой мирной, сытой и особо заманчивой для новых российских богатеев. Но когда я, путешествуя по этой стране, посещал ее замки и музеи, слушал гидов, зная то, о чем только что поведал, мне временами становилось жутко, хотелось крикнуть окружающим меня людям: «Слушайте! И это вы сейчас учите нас, русских, правам человека, свободе и демократии? Вы, сотни лет топившие свою страну, а потом и многие другие страны в океане крови? Вы, тогда наши «союзники» во Второй мировой войне, холодно и расчетливо наблюдавшие за тем, как русский народ истекает кровью в борьбе с фашизмом, выживавшие, кто кого победит: Гитлер — СССР или Сталин — Германию? Вы, задумывавшие вместе с США еще в ходе этой войны, в 1942 г., напасть на Советский Союз, а потом планировавшие начать Третью мировую войну сразу по окончании Второй мировой — 1 июня 1945 г.? Вы смеете учить нас?!»

Но, поостыв, думал: «В каком-то метафизическом смысле, быть может, все же такое право они имеют, ибо выстрадали его, только почему все сваливают на Русь, Россию и русских? Почему про свой горький опыт сказать «стесняются»?..

Вот что думаю я, когда читаю размышления Бунина о революции и грехах «большевиков», действительно существующих, но не исключительных.

Бунин не понимал (не хотел понимать?), что «окаянные дни» наступили не «вдруг», а стали искуплением грехов и ошибок российской самодержавной власти, копившихся столетиями. Думать, будто для постижения смыслов истории и логики общественного развития достаточно лишь писательской наблюдательности и писательского таланта, мне кажется, весьма наивно. А Бунин, видимо, именно так и полагал. В его записках и статьях, кроме имен Льва Толстого да не

слишком чтимых им Достоевского и Герцена, из значительных фигур не встречается никто. Маркс и Ленин как знатоки общественной жизни для Бунина существа ничтожные, отрицательно-негативные. А это были, что ни говори, великие умы. Между тем сам Бунин был не более чем тонкий знаток, холодный наблюдатель жизни российской деревни, добросовестный фиксатор происходивших в ней процессов, но не противник назревавшего окаянства, исполненный желания излечить общественный недуг. Великолепный рисовальщик с натуры. Поэт — не врач, он только боль, струна и нерв?.. Страсть в душе Бунина забурлила, забила ключом лишь в тот момент, когда «дурман» и «окаянство» вырвались наружу и разнесли в клочья все, что рисовал он в своей знаменитой «Деревне»...

Когда мы говорим о Бунине-публицисте, надо помнить, что он — помещик, аристократ, православный монархист, всей своей сутью тяготевший к старой дворянской культуре и устоявшемуся образу жизни. Этот достоверный исторический факт невозможно игнорировать. Бунин видел и описывал то, что хотел видеть, и не видел, не хотел видеть, знать и понимать то, что не отвечало его воззрениям. А временами просто не понимал, что не понимает. В том нет ничего необычного: человек — существо ограниченное. Бунин был человек... Человек со своей — Белой правдой. Ко всем другим правдам относился свысока, презрительно. Для него не было правды ни мужицкой, ни рабочей, ни «красной», а были только Белая идея и Белая правда.

Но что есть Белая идея? Знаменитый русский религиозный философ Иван Александрович Ильин, высланный из СССР в 1922 г. за антиреволюционную деятельность, широко и внятно изложил эту идею в предисловии к сборнику «Белое Дело», изданному в Берлине в 1926 г. Белая идея, по Ильину, это не «вооруженная контрреволюция»; не «реакция», не «реставрация»; дело не «словное», не «классовое», дело не «личное», не «партийное», не «имущественное», не «мстительное».

«Белое Дело — утверждал Ильин — это Белый Дух, Белое Сердце, Белая Воля... Белые никогда не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело — дело России — родины, дело русского государства. И самая белизна личной воли определяется именно этой способностью — жить интересами целого, бороться не за личный прибыль, а за публичное спасение, потопить и сословное, и классовое, и партийное дело — в патриотическом и государственном... Мы свободны и от революционных, и от реакционных предрассудков; и то, чего мы желаем для России, это — исцеление и возрождение, здоровье и величие, а не возврат к тому негодующему состоянию, из которого выросла революция со всем ее позором и унижением». «Россия была духовно больна перед смутой, революция явилась, как обострение и развитие этой болезни».

Прекрасные слова!

Но! «Белые обороняют дело духа на земле, — продолжал Ильин, — и считают себя правыми перед лицом Божиим. Отсюда религиозный смысл их борьбы: она направлена против сатанинского начала и несет ему меч...».

Исследователи бунинского творчества пишут о Бунине как о «бесприкословном и последовательном стороннике Белой идеи и Белого движения» (Бунин, 2000: 5). «Белые», по Бунину, — это те, «у которых все отнято, поругано, изнасиловано, убито, — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры...» (Бунин, 2006d: 318). «Белые — это помещики, фабриканты, кровопийцы, пауки, угнетатели, деспоты, сатрапы, мещане, обскуранты, рыцари тьмы и насилия» (там же: 334). «Белые» — это Авель; «красные» — это Каин. В марте 1919 г. Бунин говорил: «...Я чувствую, что я не должен быть писателем, а должен принимать участие в правительстве», «...все больше и больше думаю, чтобы поступить в армию добровольческую и вступить в правительство» (там же: 8).

Абсолютно «своим» считали Бунина и в Белом стане. В августе 1920 г. П. Б. Струве от

имени правительства Вооруженных сил Юга России пригласил Бунина в Белый Крым: «...Мы решили, что такая сила, как Вы, гораздо нужнее сейчас здесь у нас на Юге, чем за границей» (там же). Представьте: Бунин стал членом Правительства на Юге, куда его приглашал П. Струве с согласия Врангеля. И что бы произошло в случае их победы? Бунин был барин, помещик-крепостник, православный монархист. Вот это и есть векторы его мыслей и действий: на барщину, мужички! Или — к стенке. В злобе нет исхода. Ненависть грозит, злоба мертвит, но не плодоносит.

В ноябре 1920 г. армия Врангеля была разбита... Бунин остался в Париже...

Бунин пытается представить дело так, будто его правда — особая, кристально чистая, дистиллированная, абсолютная. В 1919 г. он определил свое политическое «кредо» в таких словах: «Я не правый и не левый — я был, есмь и буду непреклонным врагом всего глупого, отрешенного от жизни и злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно ни исходило». Но, кажется мне, что это позиция не человека, а Бога, парящего надо всем и надо всеми. Осмысливая бунинскую публицистику, надо понять (скажу в третий раз!), что Бунин был хоть и выдающийся, но только человек, а не Бог.

Понимал ли Бунин, что «русская революция» победила не соблазнами большевиков, а потому, что в стране был общенациональный, как говорят сейчас, «системный кризис»? Что народу осточертела война, что крестьяне изголодались, что царь и его власть до самого дна исчерпали доверие поданных? 240 тысяч солдат петроградского гарнизона перешли на сторону революции — это как? Когда в непримиримом конфликте сошлись Красная идея и Белая идея, то почти половина русских армейских офицеров и больше половины офицеров и генералов **Генерального штаба** (цвет армии!) пошли служить в Красную армию. Это — как? На сторону революции перешла большая часть Центрального аппарата русской **военной разведки** во главе с генерал-лейтенантом

Н. М. Потаповым!.. Царские генералы и офицеры не были большевиками и почти никто из них не вступил позднее в партию. Их выбор определялся гражданским долгом, любовью к России и ее народу.

30 мая 1920 г., когда на польском фронте сложилось угрожающее положение, знаменитые генералы А. А. Брусилов и М. Д. Бонч-Бруевич вместе с большой группой генералов издали обращение «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились»: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и вызываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогу нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию».

Отвечая на обвинения «белых» одноклассников, бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Бонч-Бруевич писал: «Суд истории обрушится не на нас, оставшихся в России и честно исполнявших свой долг, а на тех, кто препятствовал этому, забыв интересы своей Родины и пресмыкаясь перед иностранцами, явными врагами России в ее прошлом и будущем».

В силу неопровержимой пристрастности Бунин видел все происходившее в России в годы революции, гражданской войны и советской власти под своим углом зрения и объяснял его сообразно своим взглядам и убеждениям пятидесятилетнего знаменитого человека и помещика. Что ему не нравилось, того он не замечал или с ожесточением

опровергал, и наоборот, выпячивал выгодное его представлениям.

Например, Бунин «упускает из виду» тот факт, что Гражданскую войну в 1918 г. развязало Белое движение, изначально надеясь на решающую помощь Антанты, то есть интервентов. Бунин наверняка знал, но «не придавал значения» тому, что без западных поставок вооружения, обмундирования и материалов, особенно Англией, Белое движение вообще не могло бы образоваться. Бунин то ли не знал, то ли знал, но не хотел признавать и понимать, что ненависть к России всегда жила на Западе и «белый проект» вынашивался там задолго до Февральской и Октябрьской революций.

Бунин знал, что Колчак назначен Верховным правителем России Англией и США; что Деникин сознательно работал на Запад. Бунин должен был понимать и то, что иностранные державы используют Белое движение в борьбе с революционным народом, не жертвуя своей «живой силой», но в случае победы «белых» им гарантирована возможность «обустройства» России на свой лад и в своих интересах.

Где были в тот момент русские чувства и патриотизм Бунина? В годы Октябрьской революции и Гражданской войны они словно испарились из его души.

Пусть придут любые иностранцы — немцы, англичане, французы, финны, поляки, все равно, кто! Пусть захватят Москву и Кремль, Петербург и Зимний дворец! Пусть оккупируют хоть всю Россию, только бы избавили от русской «черни», «полудикарей», от большевиков. «Лучше черти, чем Ленин!..» — пишет Бунин. Читаем в «Окаянных днях»: «В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: «Ах, если бы!»... Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоевывая, а «просто едут по железной дороге» — занимать Петер-

бург... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали... В Петербург будто бы вошел немецкий корпус. Завтра декрет о денационализации банков... Видел В. В. Горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками вместо того, чтобы идти оккупировать Россию» и т. п.

А вот записи Бунина из Одессы:

«Слухи и слухи. Петербург взят финнами... Гинденбург идет не то на Одессу, не то на Москву... Все-то мы ждем помощи от кого-нибудь, от чуда, от природы! Вот теперь ходим ежедневно на Николаевский бульвар: не ушел ли, избави Бог, французский броненосец, который зачем-то маячит на рейде и при котором все-таки как будто легче».

О НАРОДЕ

Народолюбие вызывало у Бунина только сарказм. «Чернь» и «полудикари» (Бунин, 2006d: 342), «проклятые обезьяны» (там же: 331), «скотина без пастуха» (там же: 322) — вот что такое народ для Бунина. Эти слова разбросаны по всем его статьям. Вот несколько зарисовок...

«Слишком много было и есть у нас субъектов чистой уголовной антропологии. Разбойнички муромские, брянские, саратовские и прочая, прочая, бегуны, шатуны, ярыги, голь кабацкая, пустосвяты, на сто тысяч коих — один святой...» (Бунин, 2006a: 384). «А в красноармейцах главное — распущенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок, на лоб падает «шевельюр». Одеты в какую-то сборную рвань. Иногда мундир 70-х годов, иногда, ни с того ни с сего, красные рейтузы и при этом пехотная шинель и громадная старозаветная сабля» (там же: 333). «...Красная аристократия: матросы с огромными браунингами на поясе, карманные воры, уголовные злодеи и какие-то бритые щеголи во френчах, в развратнейших галифе, в франтовских сапогах непременно при шпорах, все с золотыми зубами и большими, темными, кокаиническими глазами...» (там же: 317). «А народ не виноват!.. Народ будет впоследствии валить все

на другого — на соседа и еврея: «Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жида на все это дело подбили» (там же: 306).

«Ну, а «белые» — они, конечно же, сплошь орлы!» — полагал, надо думать, Бунин. И народу советскому «белых» представляли именно так. Вспомним атаку капителейцев в фильме «Чапаев» (кто видел его): идут бесстрашно, плечо к плечу красавцы-офицеры — рослые, в парадных кителях с золотыми погонами, штыки блестят, падает впереди шагавший, его тут же замещает шедший сзади... И никакие пулеметы им не страшны!..

А ведь о «белых» в ту пору можно было говорить столь же ядовито, как и про красноармейцев. Вот свидетельство одного из артиллерийских офицеров Э. Н. Гиацинтова: «Мне смешно смотреть кинокартины, в которых изображается Белая армия — веселящаяся, дамы в бальных платьях, офицеры в мундирах с эполетами, с аксельбантами, блестящие! На самом деле Добровольческая армия в это время представляла собой довольно печальное явление. Одеты мы были кто как попало. Например, я был в шароварах, в сапогах, на мне вместо шинели была куртка инженера путей сообщения, которую мне подарил ввиду поздней уже осени хозяин дома, где жила моя мать, — господин Ланко. Он был в прошлом начальником участка между Екатеринодаром и еще какой-то станцией.

Вот в таком виде мы щеголяли. В скором времени у меня отвалилась подошва от сапога на правой ноге, и пришлось привязать ее веревкой. Вот какие «балы» и какие «эполеты» мы в то время имели!»

Гражданская война была трагедией для всей России: для «белых» и «красных». Вряд ли артиллерист Гиацинтов доподлинно знал, что Белая идея, за которую он умирал, в сущности своей была антирусским, антигосударственным проектом Запада, подхваченным российскими либералами, сокрушившими монархическую государственность в ходе Февральской революции 1917 г. Как тысячи корнетов и поручиков, вставших «За Веру,

Царя и Отечество!», певших гимн «Боже, царя храни!», они были «пушечным мясом», «военной рукой» Антанты, которая упустила свой шанс раскромсать Россию только потому, что внутри каждой из стран, входивших в этот союз, в тот момент вызрели свои восстания и революции. Генералы — основатели Белого движения (Корнилов, Краснов, Деникин, Колчак, Кутепов, Врангель и другие) меньше всего собирались разрешать проблемы, которые привели к революции. Первое, чего они хотели, — вернуть «свое», прекрасно понимая, что собственными силами, без иностранной помощи им не победить.

Волею Запада Верховный правитель России адмирал Колчак, «дитя Февраля», писал о русском народе буквально следующее: «обезумевший дикий (и лишенный подобия), неспособный выйти из психологии рабов народ». При власти Колчака в Сибири было построено 50 концентрационных лагерей, около миллиона человек были брошены в тюрьмы.

Бунин же перед Колчаком и Деникиным, с которыми встречался позднее, просто млея, пел им дифирамбы, как национальным героям. Хотя даже злейший враг Советов З. Н. Гиппиус записала в дневнике 2 сентября 1919 г.: «На Деникина, вероятно, почти никто не надеется, несмотря на его, казалось бы, колоссальные успехи, на все эти Харьков, Орлы, на Мамонтова и т. д. Слишком мы здесь зрячи, слишком все знаем изнутри, чтобы не видеть, что ни к чему, кроме ухудшения нашего положения, не поведут наши «белые генералы», старые русские «остатки», — если они не будут честно и определенно поддержаны Европой». По существу своему Белое движение выступало как прозападная сила, принявшая от Антанты материальную и военную помощь в форме иностранной интервенции. Умом своим Бунин был куда как посильнее Гиппиус, был способен смотреть на вещи поглубже... Или не так?..

В рассуждениях об отношении Бунина к народу было бы ошибкой забывать: Бунин — дворянин знатного рода, чем гордился чрезвычайно. После отмены крепостничества

в 1861 г. имения его матери в Воронежской и Орловской губерниях были на грани разорения, но существовали и позволяли господам жить вполне сносно: держать хорошие связи, путешествовать, бывать в свете, на званых обедах, в театрах, иметь хорошую одежду, знать вкус «налимьей ухи, розовых рябчиков в крепко пожаренной сметане», «дорогих вин и коньяков». Прекрасно, прекрасно!.. Но это все — не для городских и сельских обывателей — людей низших социальных слоев, которые составляли почти девяносто процентов населения России и звались «народом», который Бунин наблюдал, изучал и описывал, глядя на него со стороны, сверху и свысока. Себя самого Бунин к «народу» не причислял. Сказать о себе «чернь», «полудикарь», «обезьяна»?..

О ЛЕНИНЕ

Заблуждался Иван Алексеевич и по поводу Ленина, который для него был «бешеный и хитроумный маньяк» (Бунин, 2006d: 393), «планетарный злодей», «всемирно известный палач, который вовсе не кусается, а только «подавляет оппозицию путем чрезвычайки» (из ответа Б.-Г. Уэллсу). Его высказывания в адрес Ленина, мягко говоря, грубые. «Читал статейку Ленина. Ничтожная и жульническая» (там же: 292); «Съезд Советов. Речь Ленина. О, какое это [...]!» (там же: 294); «...Читаю Лениотра. Сент Жюст, Робеспьер, Катон... Ленин, Троцкий, Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские» (там же: 350); «Бог шельму метит. Еще в древности была всеобщая ненависть к рыжим, скуластым. Сократ видеть не мог бледных... Как не вспомнить после этого Ленина и тысячи прочих?..» «Кажется, и впрямь все готово... к канонизированию этого косоглазого плута, который... «так чудесно хохочет», стоя по горло в крови и грязи!» (Бунин, 2006d: 297). «Боже, и это вот к этому дикарю должен я идти на поклон и служение? — вопрошает он. — Это он будет державным хозяином всея новой Руси?..» (Бунин, 2006b: 392). «Древние говорили: «А вултум витуум» —

порок на лице. Сотни древних изречений говорят о всеобщей антипатии к рыжим и скуластым. Сократ ненавидел бледных. По уголовной антропологии, у огромного количества так называемых «прирожденных преступников» — бледные лица, большие скулы, «грубая нижняя челюсть, глубоко сидящие глаза...» Посмотрите же на рыжего, желтого, с маленькими косыми глазами Ленина» (Бунин, 2006а: 383).

«Главное же, надо лишить толпу «опиума религии», дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот «планетарный» скот — другое дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет?.. Сам Семашко брякнул с дуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходоносора нашли зеленую жижу вместо мозга...» (Бунин, 2006b: 393).

А по моим понятиям, Ленин — великий человек и великий политик. Без Ленина не было бы Великой Октябрьской социалистической революции, изменившей ход истории не только российской, но и мировой. Эти выводы принадлежат не мне, признаны в мире. Я с ними согласен. Человечество, в том числе нынешние так называемые «развитые» страны, должны быть благодарны русской революции, Ленину и Советскому Союзу за то, что они указали вектор движения человечества в будущее: к устойчивому развитию через установление более справедливых и равноправных отношений между странами, народами и людьми. Только оголтелый ультралиберал не захочет сегодня признать, что именно благодаря семидесятилетнему историческому опыту Советского Союза в капиталистических странах резко сдвинулось в лучшую сторону решение социальных вопросов, чем уберегли они себя от социальных потрясений и социалистических рево-

люций: слишком ужасными были Гражданская война в России и вся последовавшая за ней действительность — разлад всего и вся, анархия, хаос, разруха, преодолеть которые было невозможно без насилия. Капиталисты и землевладельцы, правительства и партии шли на уступки низшим классам, выращивали средний класс, а вместе с этим и устойчивость общества.

Весной 2009 г. государственный (!) телеканал «Россия» осуществил проект «Имя Россия», задача которого состояла в том, чтобы определить личность государственного деятеля за всю отечественную историю, имя которого наиболее ассоциируется с именем «Россия». Интернет-голосованием миллионов телезрителей было определено 500 выдающихся людей России, в числе которых Бунина не оказалось; затем таким же путем были отобраны двенадцать имен, и среди них — Ленин. Выиграл «конкурс» Александр Невский, второе место занял Столыпин, третье — Сталин, а шестое — Ленин. И это на 18-й год строительства «новой» России...

В 2005 г. фонд «Общественное мнение» проводил социологическое исследование с общероссийской выборкой в связи со 135-летием со дня рождения Ленина. На вопрос: «Как вы оцениваете вклад Ленина в российскую историю?» — 81 процент опрошенных ответили: «Положительно». Такое же количество респондентов согласилось с тем, что «Ленин — хороший человек». Ну, и чего стоят бунинские филиппики о Ленине в свете хотя бы этих цифр?

Так чья же взяла? Кто прав? «Красные» и Ленин, которые победили в 1917 г. и строили «новый мир» более 70 лет? Или «белые» в 1991 г., развалившие Советский Союз и взявшиеся «возрождать Россию? Что нам делать теперь с историей нашей? Поменять все бывшие «плюсы» на «минусы»? Всех бывших героев объявить преступниками, а вчерашних врагов — героями?

Вот канонизировали царя Николая II: теперь он причислен к лику святых. За что? Большевики расстреляли его и семью. Звер-

ство, слов нет. Но англичане в ходе революции казнили двух королей, французы — короля и королеву. И ничего, голову свою пеплом не посыпают. О казненных английских и французских революционерах вообще молчу. Ведь это по их вине начинались революции. Если бы кто-то начал следствие о причинах русских революций 1905-го, Февральской и Октябрьской 1917 года, то, не сомневаюсь, вывод был бы один: вина полностью лежит на самодержце Николае II и государственном строе, который он представлял и рьяно отстаивал, а потом вдруг безвольно скис и отдал власть.

В гражданской войне Правды нет, есть две, три, пять — много правд. Побеждают политические фигуры, а народ всегда в дураках. Ибо революция — всегда разрушение, меч, рассекающий узел, завязанный неумелыми руками действовавших до нее правителей.

По моим понятиям, Ленин — совсем не враг России. Пусть себе лежит в Мавзолее, уж коль так случилось. Корнилов, Деникин, Колчак и Врангель — тоже не враги России. Маяковский, Есенин и Блок, которых презирал Бунин, не враги России. Бунин — конечно же, тоже не враг России. Каждый любил Россию, свою Россию, любил по-своему, а столкнула их и сделала врагами меж собой, как и миллионы других, стихия революции, которая вовсе не была случайной, но разобратся в том, кто прав, кто виноват, куда и с кем идти, в момент землетрясения, было ох как не просто любому, но особенно — человеку с прочно сложившимся миропониманием, которое вдруг «почему-то» надо было менять. Бунин был в ряду значительных личностей и никто не вправе судить его за сделанный выбор и его суждения...

Если вникнуть в существо всех бунтов, восстаний, революций, именуемых «народными», то ведь получается, что и в самом деле целый народ нельзя ни хвалить, ни винить, ни судить. Народ всегда ведомый. В конце концов виноватых (или победителей) — сотни, ну тысячи, а Главный преступник, как и Главный герой — всегда один.

О «ВОЗРОЖДЕННОЙ» РОССИИ

В публицистике своей Бунин не раз обращается к Герцену, то укоряя его в ускорении революции, то восхищаясь его пророчествами. 20 апреля 1919 г. Бунин записывает «замечательные строки» Герцена: «Нами человечество протрезвляется, мы его похмелье... Мы канонизировали революцию... Нашим разочарованием, нашим страданием мы избавляем от скорбей следующие поколения...» Бунин заключает: «Нет, отрезвление еще далеко».

Следуя герценовской и бунинской мысли, «опохмелились» и «отрезвились» мы ельцинской ультралиберальной и ультрадемократической революцией 1991 г. Можно сказать, что Белая идея восторжествовала. Белое дело совершено. Бунинские мечтания осуществились, бунинские страдания вознаграждены...

Но вернемся к Предисловию философа И. А. Ильина «Белое дело», уже цитированному мною. В 1926 г. И. А. Ильин писал: «Да, Белое дело состоит в том, чтобы бороться за родину, жертвуя, но не посягая, утверждая народное спасение и народное достояние, но не домогаясь прибытка для себя; строя национальную власть, но не подкапываясь под нее; служа живой справедливости, но не противоестественному равенству людей. Мы не верим в справедливость насильственного уравнивания и имущественного передела; мы не верим в целесообразность общности имущества, в правоту социализма, в спасительный коммунизм. Дело не в бедности, а в том, как справляется дух человека с его бедностью. Дело не в богатстве, а в том, что делает человек со своим богатством. Дело не в бедности и не в богатстве, а в том, чтобы каждый человек мог трудиться; трудясь, строить и преумножать; преумножая, творить новое и делиться с другими. Мы утверждаем естественность и необходимость частной собственности и видим в ней не «грех» и не «стыд», а личное и общественное духовное задание. И потому наши девизы: собственность и творчество; изобилие и щедрость.

И мы знаем, что на этих основах будет строиться грядущая, новая Россия.

Она предносится нам единою, ибо в центробежном распаде государство не живет, а умирает, не крепнет, а слабеет и гибнет. Она предносится нам великою, — в качестве и в размере, в духе и в силе, в заданиях и в достижениях. Она предносится нам примиренною — установившей мир, терпимость, доверие и уважение среди своих народностей, классов, провинций и сословий. Она предносится нам возрожденною — в религии и в просвещении, в правопорядке и в хозяйстве, в семье и в быту. И мы выражаем этот облик в нашем исконном девизе: единая великая, примиренная, возрожденная.

Мы не сомневаемся в том, что это грядет и осуществится.

Красиво сказано!

Ну, вот — осуществилось! И что же? «Отрезвилась» Россия?

Незначительная часть населения «возрожденной» России живет представлением, будто в стране наконец-то установился «естественный» строй общества, сменивший советский — «искусственный», установился навсегда, что капитализм победил социализм окончательно и никаких возвратов в похожее на него прошлое быть не может, что никаких великих потрясений никогда уже не случится. Ох, как хотелось бы и мне, чтоб жизнь наша шла в мирном русле, текла, будто вода среди зеленых берегов, поворачивая то чуть влево, то немного вправо, но становилась все полнее, шире, привольнее. И никаких перекатов, водопадов...

Но вряд ли так оно и будет.

Ельцинская революция 1991 г. чрезвычайно похожа на революцию 1917 г. и все, что ей предшествовало (слабость власти, неспособность накормить народ, видеть новое, изменяться самой и изменять общество и т. д.). Так же как в октябре 1917 г., советская Система рухнула при первом дуновении ветров перемен, а сам зачинщик «гласности», глашатай свободы и затейщик «перестройки», возжелавший изменить мышление народов огромной страны и всего челове-

ства лишь болтовней с экрана телевизора, элементарно струсил и сдал власть точно так же, как Николай II, испугавшийся замарать свои ручки в белых перчатках в борьбе за трон и «свой народ».

Трагедия (и революция) России начала XX века, как уже говорилось, была предопределена тем, что страна вошла в новое время с не желавшими изменять себя феодализмом и самодержавием.

Беда России XXI века в том, что она встретила его под лозунгами ультралиберализма в форме «дикого капитализма», которые давно исчерпали себя, и, следуя этой дорогой, можно прийти только к катастрофе. Ельцинскую революцию 1991 г., если мыслить законами революций, нужно рассматривать не как шаг вперед, а как огромный по меркам времени откат назад к старым формам бытия в новых, превращенных формах, как реставрацию дореволюционной России. Что, собственно, существенно нового появилось в «новой» России? Компьютеры? Интернет? Мобильники? Это — несомненно. Президент? Тот же царь. «Элита» общества? Та же знать: князья, графья, дворяне, духовенство, генералитет. Власть? Такая же малоспособная, как при царе и на закате СССР, только еще более алчная, беспринципная и безответственная.

«...Новая Россия страшна... Особенно молодежь... Много холодных убийц... Много спекулянтов, дельцов, хулиганов, головорезов...».

«Россия будет!» — Да, но какая? И новая ли? **Так ли уж ново наше новое?**»

Согласитесь, звучит куда как современно. Но это слова Ивана Алексеевича Бунина, им уже под девяносто лет.

«Блеск звезды, в которую переходит наша душа после смерти, состоит из блеска глаз съеденных нами людей». Это одно из древнейших дикарских верований. И, право, оно звучит теперь не так уж архаично. Тоже понравившаяся Бунину мысль, но как подходит она к нашим дням, когда, пожалуй, самым затертым стало словосочетание «новая Россия» («Белая Россия!»), в которой миллионы

бедствуют, нищенствуют и мрут не из-за неурожаев, как в царской России, негодуют не из-за нехватки товаров и продуктов, как бывало временами при советской власти, а потому, что одни (ничтожное меньшинство) жрут от пуза, лопаются от жира, состязаются в том, у кого дворец на Рублевке больше, яхта в Средиземноморье длиннее и дороже, а другие (огромное большинство) не знают, как прокормиться, собрать ребенка в первый класс, где жить, как жить и — зачем жить? Имущественный разрыв между «возрожденной» российской знатью и народом беспрецедентен в новейшей мировой истории, если мыслить Россию в ряду «цивилизованных» стран. А именно этот разрыв и порождает недовольство, протест, возмущение, гнев и ненависть, именно в этом разрыве вновь возникают мысли о несправедливом устройстве общества и разного рода идеи о том, как устранить эту несправедливость. И появляются люди, способные чувствовать чужую и общую боль острее, чем собственную. Их принято называть революционерами. Можно сколько угодно проклинать революционеров и революцию, но народ государства, жить в котором становится невыносимо, в силу правового основания необходимой обороны своего права на человеческую жизнь имеет право восстания, право революции, отменить которое не дано никому. Это ведь совсем не случайно едва ли не в каждой американской семье числится по нескольку единиц огнестрельного оружия: народ вооружен и тем опасен. Демократия, то есть власть народа (говорю это вообще, а не в похвалу политсистеме США), должна иметь возможность защитить себя.

«Новые белые», как и обещал И. А. Ильин, полагаясь на свою безусловную правоту, принесли возрождаемой ими России не мир, но меч — меч управляемого Хаоса, меч ускоренной Глобализации, меч тотальной, невиданной ни в одной стране мира по своим масштабам преступной приватизации.

«Но взойдет наше солнце — нет среди нас ни единого, кто бы не верил в это!», — писал Бунин. Вот оно взошло, Ваше солнце, Иван

Алексеевич!.. И что же мы видим в его сияющих лучах?

Воистину сказочные богатства страны разворованы, розданы в загребущие, но немелые руки по преимуществу бездарных и порочных людей, ухлопаны на взятки, заказные убийства, на рекламу, на выборные технологии и откровенную пропаганду нового режима, на создание бандитских телесериалов, развращающих молодые поколения...

Могучая экономика, мощнейшая промышленность, построенные за небывало короткие сроки, с крайним перенапряжением сил за счет здоровья и жизни миллионов людей, уничтожены.

Десятки миллионов людей, и прежде живших кое-как, ныне пребывают в полной нищете, болеют, не имея денег на лекарства, ускоренно уходят на тот свет, а у родни нет даже денег, чтобы похоронить их по-человечески.

Под видом реформ развалена некогда лучшая (утверждаю!) в мире система образования, и теперь посреди землетрясения, когда все вокруг только рушится и невозможно вести никакое строительство, сверху беспрестанно талдычат о том, что все это сделано во имя повышения качества образования, требуют и далее его повышать. Да разве ж можно жить и строить на вулкане? Что это, если не сумасшествие? А если все же нет, то — замысел? Обезумить, оглупить народ, обезглавить нацию, дабы легче было управлять... «черню», «полудикарями», «обезьянами»? «Слишком много образования, слишком много науки в России», — все еще слышу я слова Егора Гайдара, «отца» шоковой терапии. С образованными-то да умными, глядишь, и новая революция подоспеть может, а темный люд, «чернь» — дело известное: ему довольно «Хлеба и зрелищ!» С «хлебом» пока откровенно плохо, зато телезрелищ — невпроворот. Пошлых, но много: есть из чего выбирать. Свобода выбора! Свобода!..

Чего не смог сделать Гитлер почти за пять лет войны, сделали отечественные интервен-

ты и колонизаторы, правда, и тут не без злого совета и крепкой помощи Запада...

Но хватит «страшных слов»! В ход идут страшные цифры...

К 2007 г. на социальное «дно» в России опустилось 14 миллионов человек: 4 миллиона бомжей, 3 миллиона нищих, 4 миллиона беспризорных детей, 3 миллиона уличных и привокзальных проституток.

300 тысяч детей в возрасте до 16 лет считаются пропавшими без вести. Свыше миллиона детей не посещают школу.

720 тысяч детей содержатся в сиротских домах (после Великой Отечественной войны и гибели 27 миллионов человек в сиротских домах было 680 тысяч детей).

Ежегодно в стране пропадает до 80 тысяч человек всех возрастов, из них 30 тысяч — бесследно.

По данным МВД России, в организованную преступность вовлечено 6 миллионов человек, которые контролируют более 80 процентов банков, 41 тысячу предприятий, практически все предприятия сферы услуг и торговли, всего около 550 фирм.

Ежегодно официально регистрируется более 30 тысяч убийств, в том числе 20 тысяч — заказных. По количеству убийств Россия занимает 1-е место в мире.

По результатам исследований ВЦИОМ, из 60 миллионов трудоспособного населения России одна треть — хронические алкоголики, 4 миллиона наркоманов, более миллиона отбывают сроки в тюрьмах и лагерях.

На 100 тысяч жителей России приходится 38 самоубийств в год (почти вдвое больше предельной черты) — одно из первых мест в мире (Пугачев, 2008).

Будущим поколениям грозит маразм, одичание, вырождение не только духовное и моральное (оно уже налицо), но и физическое. Грозит, грозит!.. Не утешайте себя, господа, многотысячными тусовками «Наших» (чьих «наших»-то, чьих, господа?) на озере Селигер... Видно же, что это всего лишь Большая Игра, но не Дело и не Работа. Будущее грозит, бойтесь Будущего!..

Вот такие (пока?) результаты «возрождения России»... Но об этом не услышишь по радио, не узнаешь по телевизору, из газет — они снова под жестким госконтролем. Если верить им, жизнь становится все радостней и веселей...

Ах, милый Иван Алексеевич! Вот взошло Ваше белое солнце, вернулось в Россию время господ, но чрезвычайно редко кто решается обратиться к другому словом «господин». Даже Президент России и ее Премьер-министр предпочитают слово «коллега», хотя звучит это, право же, очень смешно. Мало, безумно мало тех, кто чувствует себя господином в этой жизни, несколько десятков, ну, может, сотня тысяч на всю 140-миллионную Россию. И только Вы, дорогой Иван Алексеевич, ровня им, потому что хоть и обедневший, но все же помещик и дворянин. Настоящий белый. Но пообщались бы Вы с некоторыми из них, и Вас бы стошнило от их духовного убожества и морального уродства... Вот уж воистину — «чернь», «белая чернь».

* * *

Снова скажу: тяжело, невыносимо тяжело было мне перечитывать «Окаянные дни», читать одну за другой бунинские статьи, до самых краев налитые яростной злобой, испепеляющей ненавистью и барской брезгливостью ко всему, что происходило в революцию, в годы Гражданской войны и в Советском Союзе.

Однажды вдруг поймал себя на мысли: божье мое, да ведь мне, родившемуся в 1936 г., в ноябре 1953 г., когда Бунин умер, было уже семнадцать лет!.. Семнадцать лет я и Бунин жили в параллельных мирах. Я родился в Ленинграде и вырос при советской власти, обучен и воспитан ею; за эту власть, за Родину отдал жизни в Великой Отечественной мой отец и его брат — оба коммунисты; семья наша — мама, сестра, старший брат и я пережили полтора самых страшных года фашистской блокады Ленинграда; я был пионером, комсомольцем, членом компартии, служил стране преданно и честно. И было за

что служить — одно образование мое чего стоит!.. Я — из простонародья, но, как говорится, «вышел в люди»...

Выходит, Бунин яро и скопом ненавидел меня, мою семью, моих друзей и товарищей, миллионы людей, по его понятию сплошь «большевиков», которые между тем сотворили «советское чудо» — превратили Россию лапотную в Россию индустриальную и электрическую, победили фашизм в Великой Отечественной войне, первыми в мире начали освоение космоса — боже, да разве надо перечислять все великое, что сотворили «большевики»?.. И все это псу под хвост?!

Но Бунин — не сверчок за печкой: великий русский писатель. А я, волею случая, председатель Попечительского совета литературной Бунинской премии, должен знать, что такое — Бунин. И я продолжал читать...

Моментами что-то хорошее в моем уже сложившемся отношении к Бунину рушилось, но вскоре восстанавливалось на прежнем месте, возрастало еще выше... и снова падало, и снова возвышалось... Час за часом, день за днем в моей душе происходили какие-то чудеса превращения: она протестовала, возмущалась, тоже презирала и ненавидела, болела, стонала, плакала и кричала, но, кажется, все же росла... И Бунин — злой, холодный, отстраненный, замкнутый и высокомерный — становился мне... не скажу — ближе, но объяснимей и понятней: за каждой строкой я почти воочию видел и чувствовал человека, от боли и страданий у которого вот-вот разорвется сердце. То и дело Бунин отмечает это свое состояние: «омертвление головы, сердцебиение, дрожь в отваливающих от бешенства, от обиды руках и ногах» (Бунин. 2006d: 331); «как никогда раньше страшно плакал» (там же: 408); «хватал газету прыгающими от волнения руками», «писал дрожащими, холодными руками» (там же: 310). Жаловался: «потерял всякий вкус к жизни» (там же: 38). «Я просто погибаю от этой жизни и физически, и духовно. И записываю я, в сущности, черт знает что, что попало, как сумасшедший... Да, впрочем, не все ли равно!» (там же: 374).

В такие мгновения я злорадно подмечал: «Вот именно: несешь «черт знает что» и «что попало». Временами, мне кажется, я видел Бунина таким, каким он бывал в те моменты, когда писал «как сумасшедший», — нервного, озлобленного, обиженного и жестокого, ненавидящего всех и вся. Тогда я думал: «Да, Бунин вот такой. А каким бы был ты, окажись в его положении? И признавался: пожалуй, таким же».

Отринувшись от текста бунинских записей, я не единожды спрашивал себя: «И все-таки: почему же не бросишь читать?» И отвечал: «Бунин говорит правду, которой ты не знал, и ты хочешь знать эту правду, как ни противно это твоему уму. Но отчего ж «противно»?.. У Бунина своя правда. Да, бунинская правда не вся Правда, не чистая Правда, правда знатных и богатых — «белая» правда, которую Бунин преподносит как истину в последней инстанции, с диким напором и ожесточением. И все-таки — правда. По-человечески Бунин нельзя не понять. И я сочувствовал и сострадал...

И это совсем другое дело, что существует правда простолюдинов, простонародья, правда бедных и нищих, правда мужицкая, рабочая, правда «черни», правда «полудикарей», как говорил Бунин, — правда «красная». И две эти правды никогда не сольются воедино. «Белая» правда никогда не сможет затмить и отменить другую правду — «красную». И наоборот.

Две России, две горькие правды эти обречены сосуществовать в человеческом сознании, и не дай бог сорваться с крючка той или иной! Вот тогда — снова Беда, по поводу которой так страстно и горестно кричал всему миру Бунин, тогда снова — революция... Тут все зависит от того, кто и как будет управлять страной. Но это — другая тема.

Изучив публицистику Бунина, я подумал, что совсем не случайно он не хотел, чтобы статьи и речи его не печатали после смерти: Бунин-публицист, что ни говори, ниже **Бунина-художника**. Обида, злоба, ненависть, желчь и сарказм по поводу всего и вся, что было связано с новой — революционной

и послереволюционной Россией, изумляли Бунина, застилали ему глаза, не позволяли взглянуть на происходившее менее пристрастно, более объективно. И это понятно: он потерял все, что имел и ценил, чем дорожил, на что надеялся. Осуждать его не вправе никто. И то, что Бунин говорил безудержно, тоже естественно, а для тех, кто пытается понять, что такое Бунин-писатель и Бунин-поэт, крайне важно: публицистика до конца прояснила художественное начало, характер его героев, манеру письма — «холодность», «отстраненность», «сарказм», «надменность», «консерватизм» и другие подобные изъяны творчества, о которых писали критики и которые порой невозможно не заметить. И все же бунинская публицистика, отличная по форме, слову, силе эмоции и страсти, смелости и мужеству говорить то, что хочется сказать, все-таки проигрывает прозе и стихам его безнадежно...

Можно ли осуществить операцию по отсечению в творчестве Бунина художественного от публицистического? «Физически» это не сделать никак. В публицистике Бунин со всей откровенностью выразил те черты своей натуры, которые проглядывались в его поэзии и прозе, но не могли быть объяснены и поняты вполне. Бунин-публицист обнажил их. Теперь можно внести некоторые поправки в понимание сущности этого великого человека и великой личности, достоинства которого как художника в моем представлении ничуть не упали. Гений — это интеллектуальная, психическая аномалия, это необыкновенный человек, и судить о нем обычными способами невозможно.

Вот строки из «Исповеди» А. Н. Толстого: «Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспоминать об этих годах... Я убивал людей на войне, вызывал на дуэль, чтобы убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков; казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеение всех родов, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал...» Страшные признания. Но Толстой остается Толстым. Так и Бунин. Великий художник слова. Пуб-

лицистика? Несомненно, художественная. Остальное отставим в сторону. Как говориться, не за это ценим и любим...

* * *

В 2009 г. Президент России Д. А. Медведев своим указом создал комиссию, призванную бороться с фальсификацией истории «в ущерб интересам России».

Наконец-то власть заметила, что у государства и народа украли не только нефть, газ, золото, бриллианты, заводы, фабрики, промышленность и сельское хозяйство, одним словом — экономику, но потихоньку, с помощью соросовских наемников, умыкнули самое главное — историю страны в ее истинном содержании и сущности, нафаршировав Прошлое баснями, мифами и чистопородной ложью — в интересах Запада и «в ущерб интересам России». История СССР представлена как совокупность преступлений, безрассудств, безумств и несчастий, как сплошной криминал...

В указе Президента говорится прежде всего о новейшей истории России и истории Великой Отечественной войны. А я-то думаю, что проверке на объективность, на истинность следовало бы подвергнуть всю советскую историю, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции, не обеляя, но и не очерняя ее. Сказать однажды твердо и навсегда: «Все, что было в Прошлом России, — это наша история. В этой истории были героические и великие события и личности, были события трагические и постыдные, были люди мелкие и ничтожные. Так или иначе у нас нет другой страны, нет и другой истории. Но в целом история России от дней ее возникновения и поныне оказала и оказывает огромное и благотворное влияние на облик всего человечества. Мы можем и должны гордиться своей историей».

Для фальсификаторов годны даже липовые источники, а тем более — авторитеты в науке, литературе, политике. Бунин как нельзя лучше подходит на эту роль, хотя сам Бунин вовсе не думал о «фальсификации» истории, напротив, он был абсолютно убеж-

ден в том, что речёт абсолютную правду, и делал это с неистовой страстью, таланливо, включая на всю мощь свою феноменальную наблюдательность и безудержное воображение. Перед нами уже не писатель и поэт, а идеолог и политик с талантами истинного художника, излагающий собственные философские, политические, социальные и исторические воззрения со всей беспощадной жестокостью своей натуры.

Завлабам «молодой российской демократии» бунинские «Окаянные дни» пришлось как нельзя кстати, ибо создавали ужасные образы Великой Октябрьской революции, Ленина, большевиков и шедшей за ними «черни», чем на корню, как мнилось им, уничтожали коммунистическую идеологию. Не имея возможности ни согласиться, ни возразить, Бунин начал «работать» на идею «возрождения» России, хотя на самом деле его втянули в новую русскую революцию, во главе которой встали странные и страшные люди, для которых Россия — не любимая Родина, а открытое географическое пространство, огромный «кормящий ландшафт», «зона для свободной охоты» в поисках добычи; место утоления непомерных политических амбиций и жажды власти.

Бунинская публицистика способна захватить внимание читателя почище детективного романа, переворачивать мозги в удобном автору направлении. Без сомнения, в ельцинскую революцию 1991 г. Бунин помимо своей воли внес немалую лепту. «В ущерб интересам России...» Увы.

Вчитайтесь в тексты повестей и рассказов Булгакова, Куприна, Платонова, Пришвина и того же Бунина, который сейчас в центре нашего разговора. Мало того, что сами эти (и не только эти!) писатели, но и их лирические герои представлены как эталон достоинства, долга, чести, совести, любви к России. «Поручик Голицын...» «Корнет Оболенский...» «За Веру, Царя и Отечество!..» И вот этих-то чистых мальчиков и их высокопородных предков растоптали и уничтожили серые революционные мужички, красноармейцы, большевики и советская власть?!

Пропагандистская машина «возрожденной России» (прежде всего — телевидение, видеопродукция, а сейчас еще и Интернет) поработала весьма умело, переняв все формы и методы современных социальных технологий влияния на сознание человека. И многие дети из простонародья всем своим наивным умом восприняли новые мифы и — возненавидели дела своих дедов и отцов: революцию, гражданскую войну, все советское — вещи, заводы и фабрики, идеи, героев тех времен, образ жизни и самих людей — «совков», не отдавая себе отчета в том, что вот теперь-то они навсегда простонародье, воистину «чернь», путь которой «в люди», «наверх», во власть перекрыт уже не тонким слоем новых «господ», новой «элиты». Так далеко Бунин, конечно, не заглядывал, но то, что он является ныне одной из числа избранных опор формирования «нового сознания» молодых поколений, — это факт.

Бунин был человеком совести, и она, как внутренний закон, вела его по жизни, не позволяя выйти за рамки правил и собственного понимания смысла жизни, определяла все его поступки на поворотных этапах жизни: неприятие Октябрьской революции, советской власти и — эмиграция; отказ от сотрудничества с немцами в годы войны, грозивший ему смертью, — и нищета; отказ от возвращения в СССР, обещавшего ему новую огромную читательскую аудиторию, материальное благополучие, и — тоска по Родине до самой смерти.

В публицистике Бунин был неистово страстен и одержим, бесстрашен и мужествен, вел себя как герой, упрямо шел дорогой одиночества с гордо поднятой головой, хотя с каждым годом все глубже сознавал, что силы и нервы его уходят в пустоту, на борьбу с ветряными мельницами. Дон Кихот русской культуры...

С годами бунинское неистовство, бесильное и невостребованное, затихало, время заставляло порой размышлять над ранее сказанным, иногда, наверное, рождало сомнения в излишней категоричности своих

прежних высказываний. Во всяком случае, этому есть некоторые свидетельства.

В воспоминаниях поэта и писателя К. Симонова «Об Иване Алексеевиче Бунине» (Бунин, 2006d) есть такие строки: «Сколько мне помнится, Бунин два раза возвращался в разговорах со мной к своим «Окаянным дням», даже спросил меня, читал ли я их. Я сказал, что нет, хотя на самом деле читал. Он сказал, что в этой книге много такого, под чем он сейчас не подписался бы, но она писалась в другое время и в других обстоятельствах, а кроме того, даже и тогда он в этой книге не позволил себе писать о большевиках много такого, что писали в то время о них другие литераторы» (там же: 423). И еще пишет Симонов, что Бунин сказал ему: «...вы должны знать, что двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года (начало Великой Отечественной войны. — *И. И.*) я, написавший все, что писал до этого, в том числе «Окаянные дни», я по отношению к России и к тем, кто ею ныне правит, навсегда вложил шпагу в ножны...» (там же: 422–423).

В другом месте К. Симонов писал, что «в сорок шестом году Сталин был для него (для Бунина. — *И. И.*) после победы над немцами национальным героем России...» (Симонов, 1988). Во время одной из встреч с Симоновым Бунин предложил тост: «Выпьем за великий русский народ — народ-победитель! И еще — за полководческий талант Сталина!» (Лавров, 1989: 342).

На самом деле Бунин с тропы войны не свернул, еще много раз выступал со статьями, враждебными СССР. И это естественно для Бунина. Издал книгу «Воспоминания» — по тону своему сродни всем прежним публикациям, в 1953 г. готовил к переизданию «Окаянные дни».

Бунин-публицист и Бунин-писатель и поэт — это единая и целостная Личность, в творчестве которой художественное выше публицистического, но берет свое начало из бурлящей страстями и мыслями натуры этого человека, включая страсти политические

и социальные. Снова скажу: Бунин-публицист ничуть не принизил в моем сознании Бунина-художника, напротив, я лучше понял его как человека, стал уважать за смелость и мужество.

Но не станем канонизировать Бунина! Не сотворим себе кумира! Скажем: жил да был на белом свете очень русский человек со своею Белой правдой — Иван Алексеевич Бунин. Красивый и умный, бывал велик и мал, добр и зол, любил и ненавидел, страдал и наслаждался, был бесстрашен и пуглив, милосерден и жесток... Скажем: Бунин был Человек, обыкновенный Гений.

Август — сентябрь 2009 года

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алданов, М. А. (1935) И. А. Бунин. Собрание сочинений. Петрополис, 1935. Т. IX, X // Современные записки. Кн. 59.
- Белое Дело. Дон и Добровольческая армия. (1992) Голос.
- Бунин, И. А. (2000) Публицистика 1918–1953 годов. М. : ИМЛИ РАН ; Наследие.
- Бунин, И. А. (2006a) Еще об итогах // Бунин И. А. Полн. собр. соч. М. : Воскресенье. Т. 8.
- Бунин, И. А. (2006b) Миссия русской эмиграции. (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.) // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 8.
- Бунин, И. А. (2006c) Многогранность // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 8.
- Бунин, И. А. (2006d) Окаянные дни // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 6.
- Иван Бунин. Pro et Contra. (2001) СПб.
- Лавров, В. (1989) Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953). М. : Молодая Гвардия.
- Пугачев, В. (2008) День грядущий на закате. Механизм скрытого национального самоуничтожения в современной России // Советская Россия. № 147. 10 янв.
- Симонов, К. (1988) Глазами человека моего поколения // Знамя. № 3.